

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карлик Нос, стр. 9

отсюда и то очарование, которое они имели для вас. Внимая рассказам раба, вымыслу, придуманному другим, вы сами творили вместе с ним. Вы не задерживались на окружающих предметах, на обычных своих мыслях, – нет, вы все переживали: это с вами самими случались все чудеса, – такое участие принимали вы в том, о ком шел рассказ. Так ваш ум возносился по нити рассказа над существующим, казавшимся вам не столь прекрасным, не столь привлекательным, так ваш дух витал вольней и свободнее в неведомых горных сферах; сказка становилась для вас явью, или, если угодно, явь становилась сказкой, ибо вы творили и жили в сказке.

– Я вас не вполне понимаю, – возразил молодой купец, – но вы правы, говоря, что мы жили в сказке или сказка жила в нас. Я помню еще ту блаженную пору; все свободное время мы грезили наяву: мы воображали, будто нас прибило к пустынным, необитаемым островам, совещались, что предпринять, чем поддержать нашу жизнь, и часто сооружали мы хижины в диких ивовых зарослях, из жалких плодов готовили себе скудную трапезу, хотя в сотне шагов оттуда, дома, мы могли получить все самое лучшее, – да, была пора, когда мы ожидали появления доброй феи или чудесного гнома, которые подошли бы к нам и сказали: «Сейчас развернется земля, соблаговолите тогда сойти в мой хрустальный дворец и откусать тех яств, что подадут вам мои слуги – мартышки».

Юноши рассмеялись, но согласились, что приятель их говорит сущую правду.

– Еще и поныне, – сказал один из них, – еще и поныне подпадаю я иногда прежним чарам; так, например, я сильно рассердился бы на брата за глупую шутку, если бы он ворвался ко мне и сказал: «Слыхал о несчастье с соседом, толстым булочником? Он повздорил с волшебником, и тот из мести превратил его в медведя; и теперь он лежит у себя в комнате и отчаянно ревет». Я б рассердился и обозвал его вралем. Но совсем другое дело, если бы мне поведали, что толстый сосед предпринял далекое странствие в чужие, неведомые края, там попался в руки к волшебнику, а тот обратил его в медведя. Я постепенно перенесся бы в рассказ, странствовал бы вместе с соседом, переживал бы чудеса, и меня бы не очень удивило, если бы он оказался засунутым в шкуру и ходил бы на четвереньках.

– И все же, – сказал старик, – существуют весьма занимательные рассказы, где не появляются ни феи, ни волшебники, ни хрустальные замки, ни духи, подающие редкостные яства, ни птица Рок, ни волшебный конь – это рассказы другого рода, не те, что обычно зовутся сказками.

– Что вы под этим подразумеваете? Объясните получше. Другого рода, чем сказки? – спросили юноши.

– Я думаю, надо делать известное различие между сказкой и теми рассказами, которые обычно зовутся новеллами. Если я скажу, что собираюсь рассказать вам сказку, то вы заранее будете рассчитывать на приключение, далекое от повседневной жизни и происходящее в мире, природа которого отличается от земной. Или, говоря ясней, в сказке вы сможете рассчитывать на появление других существ, а не только смертных людей; в судьбу героя, о котором повествует сказка, вмешиваются неведомые силы, феи и волшебники, духи и повелители духов; весь рассказ облекается в необычную, чудесную форму и выглядит примерно так, как наши тканые ковры и рисунки наших лучших мастеров, которые франки зовут арабесками. Правоверному мусульманину запрещено греховно воссоздавать в рисунках и красках человека, творение Аллаха; поэтому на этих тканях мы видим замысловато переплетающиеся деревья и ветви с человеческими головами, людей, переходящих в куст или рыбу, – словом, фигуры, напоминающие обычную жизнь и все же необычные; вы меня понимаете?

– Мне кажется, я догадываюсь, – сказал писец. – Но продолжайте.

– Такова сказка: чудесная, необычная, неожиданная; так как она далека от повседневной жизни, то ее часто переносят в чужие края или в далекую, давно минувшую пору. У каждой страны, у каждого народа есть такие сказки – у турок и у персов, у китайцев и монголов, даже в стране франков, как говорят, много сказок, по крайней мере, так мне рассказывал один ученый гяур; но они не столь хороши, как наши, так как прекрасных фей, обитающих в великолепных дворцах, у них заменяют колдуны, которых они зовут ведьмами, злобные уродливые существа, живущие в жалких лачугах и вскачь несущиеся через туман, верхом на помеле, вместо того чтобы плыть по небесной лазури в раковине, запряженной грифонами. У них водятся и гномы, и подземные духи, – крохотные нескладные уродцы, которые любят играть злые шутки. Таковы сказки. Совсем иного рода рассказы, которые обычно зовутся новеллами. Они мирно свершаются на земле, происходят в обыденной жизни, и чудесна в них только запутанная судьба героя, который богатеет или беднеет, складывается удачно или неудачно не при помощи волшебства, заклятия или проделок фей, как это бывает в сказках, а благодаря самому себе или странному сплетению обстоятельств.

– Правильно, – подхватил один из юношей. – Такие истории, без всякой примеси чудесного, встречаются и в прекрасных рассказах Шахразады, известных под названием «Тысячи и одной ночи». Большинство приключений султана Гаруна аль-Рашида и его визиря такого рода. Переодевшись, покидают они дворец и сталкиваются с тем или иным необычайным явлением, в дальнейшем разрешающимся вполне естественно.

– И все же вам придется признать, – продолжал старик, – что эти новеллы – не худшая часть «Тысячи и одной ночи». А между тем как отличаются они от сказок о принце Бирибинкере, или о трех одноглазых дервишах, или о рыбаке, вытащившем из моря кубышку, припечатанную печатью Соломона! Но в конечном счете очарование сказки и новеллы проистекает из одного основного источника: мы переживаем нечто своеобразное, необычное. В сказках это необычное заключается во вмешательстве чудесного и волшебного в обыденную жизнь человека; в новеллах же все случается, правда, по естественным законам, но поразительно необычным образом.

– Странно, – воскликнул писец, – странно, что естественный ход вещей в новеллах привлекает нас так же, как и сверхъестественное в сказках! В чем тут дело?

– Дело тут в изображении отдельного человека, – ответил старик, – в сказке такое нагромождение чудесного, человек так мало действует по собственной воле, что отдельные образы и характеры могут быть обрисованы только бегло. Иное в обычных рассказах, где самое важное и привлекательное – то искусство, с каким переданы речь и поступки каждого, сообразно его характеру.

– Поистине, вы правы! – ответил молодой купец. – Я ни разу не удосужился подумать об этом как следует, смотрел и слушал, ни на чем не останавливаясь, порой забавляясь, порой скучая, – не знаю, собственно, почему. Но вы даете нам ключ к загадке, пробный камень, дабы мы сделали пробу и вынесли правильное суждение.

– Всегда поступайте так, – ответил старик, – и наслаждение для вас возрастет, когда вы научитесь размышлять над тем, что услышали. Но глядите, вон подымается следующий рассказчик.

Так оно и было. И другой раб начал:

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) 9 >> Следующая страница